

Ripires te Шевелёва

Имяреку, тебе...
И.Б.

Констатировать, что Валентина Тимофеевна Шевелёва в одиночку, иногда с помощью, а чаще без, и вовсе одна, делала отличный альманах «Вопросы искусствознания» (потом — «Искусствознание»), в лучших образцах своих, европейского качества — пустой трюизм.

Говорить о роли и важности этого служения, объединявшего кустарей-одиночек, этой работы, выносимой ею на хлипких плечах почти два десятилетия разброда страны, науки, цеха, институций и биографий — вовсе излишне.

Толковать, что значимость, перспективу и величину этого труда, содеянного в не самые простые времена тотального кризиса, лишь предстоит осознать будущим поколениям адептов странного дела *Kunstwissenschaft* — дежурная благоглупость.

Писать о роли её в консолидации компании историков искусства, навсегда и безнадежно состоящей из одиночек, теноров, работяг, роковых женщин, тусовщиков, гениев, отшельников-позитивистов и героев-любовников — напрасный труд.

...

По известной слабости человеческой, по сторожкой боязни амикишонства, по грядущей неловкости приятельства — мы так и не сблизились.

В опаске дружбы, в обоюдостроте интересов, в давней приглядке — так и испугались.

Для фальши затяжного намерения — «как-нибудь сядем, выпьем, поговорим», для дежурного камлания — «ещё успеется, сложится, управится», для отложенного события — «Morgen! Morgen! Nur nicht heute!», ничего, увы, и не сбылось.

В таких случаях остаётся лишь пошлость поминальных тостов, развёртываемых впоследствии в непотребность мемуаров.

Пытаясь выскользнуть из неё, тшусь провозгласить «*girigibepa*», что поцыгански выходит — «помнить», «вспоминать», «поминальная речь». А она распадается на нескладывающиеся эпизоды.

...

Склейка по-чёрному.

...

Конец февраля 1993 г. Поздний вечер. В доме гулянка. Однополчане квасят спирт, закусывая «ножками Буша». Сыновья радостно дёргают «дядю Васю» за свеженькие погоны капитана II ранга, а на «дяде Серёге» теребят новенький наперсный крест. Телефонный звонок. С миской квашеной капусты в руках и полупогасшей беломоринной во рту снимаю трубку. Валентина Тимофеевна. Долго представляется. Объясняется подробно. Голос глухой, но внятный. «Мне понравились три статьи, что лежали в “Советском искусствознании”... Это книжка?.. Хотела бы начать со второй главы; она

проще и эффективней. У Вас есть минутка обсудить некоторые правки?» Обсуждали два часа. Дети легли спать. Товарищи допили, прибрались и, даже, вымыли посуду; отъезжавших — проводили до метро, остальные — задремали кто где. А Шевелёва продолжала вопрошать, в какой из тринадцати ведомых ей коннотаций использовано «это слово».

Далеко за полночь с гудящей головой: «И не лень ей?»

...

Середина 1990-х. Тогда понял, сколь трудна её ноша. Буквально тяжела. Звонок. С чуть искательным достоинством: «Вы же небезлошадный? Не можете ли привезти тираж?» Погрузил в машину. Привёз. Взгромоздил. Сложил в её квартиру.

Едучи от Петровского парка в Останкино, ёрзая натужной спиной по продавленной спинке сиденья и вслушиваясь в мерзкий звук оторванных амортизаторов, думал: «И всё это бремя на ней?»

Конец сентября 1998 г. Грозный звонок Валентины Тимофеевны: «Что Вы думаете о юбилее Сарабьянова?» Глупый дежурный ответ в роде: «Надеюсь, он состоится». Строго: «Надо помочь закупиться. Ждём Вас у метро “Динамо” в девять утра». Затарившись на рынке и забив машину под завязку, глубоко за полдень, доехали до Козицкого пер. Разгрузились. Завидя выходящего из института А.И. Комеча, изобразила царственный кивок: «Свободны, водитель».

Смеялись. Вгрёём.

Вновь необходимо вывезти тираж. В замоте. Шлю недавно получившего водительские права среднего сына. Вечер. Звонок. Серёжа: «Ох, и строга, батя, твоя компаративистка; впрочем, отходчива». Звонок. Шевелёва: «Спасибо». Через внимчивую мхатовскую паузу: «Если судить по Сергею, то, пожалуй, сыновья Ваши лучше Ваших текстов».

По сию пору полагаю это лучшим комплиментом.

О моих статьях, публикуемых ею, никогда не говорила. Получив текст, перезванивала и холодно заявляла: «Итак... Обратите внимание на страницу... А в абзаце...» Никогда не спорила с благоглупостями, выдаваемыми за стиль. Так, мои обыкновения врубать по три эпиграфа, давать название с подзаголовком, снабжать посвящениями — ничуть не оспаривала.

Редактор от бога. Неоправданные длинноты, левую сноску, пустые повторения, любую лажу, все ляпсусы, недотянутый тезис, ошибку управления, стилевое гарцевание, «но» и «однако» в начале периода, подмену литеры во всяком иноязычном тексте, убирала. Вырезала с безжалостным мастерством хирурга, прикинувшемуся терапевтом, не играющим в психоаналитика.

Известный год. Перевал. Болезненная трансформация любезных ей «Вопросов искусствознания» в младшее и ничуть не менее любимое «Искусствознание». Информирует. Не комментирует.

На вопрос: «Чем помочь?», — со стоическим достоинством отвечает: «Пустое».

Август 2008 г. Как всегда сурово: «Вам есть, что сказать классику в его юбилей?» Мнусь. «Пришлите». Отправил. Впервые, за много лет знакомства, мегерствует: «Что Вы себе позволяете?!» Каюсь упорно. Не сдаюсь последовательно. Через сутки куда как сухо: «Чуть поправила. Гляньте. Пусть будет так».

Пауза имени академического Малого театра: «Пусть, по-вашему... Пока... будет».

Начало 2010 г. «Вашу книжку “Заслужить лицо” и пр. я разрежала на две части. Не против? Пусть так выйдет. Что ей в девках сидеть. Правку гляньте. Опять Вы в примечаниях заболтались». Мерсикаю.

Через месяц? Полтора? «Авторские заберите. А как-то Вы, впрочем нетрезвый, но уверенный и искромётный, толковали об иконологии и мифопоэтике, а то и социологии кино?» Стыдливо вспоминаю. Жёстко: «И как давно об этом думаете?» Отпетый двоечник: «Ну... Это... Лет, кажется, двадцать».

Решительно: «Напишите. Пришлите».

Не успел. Шлю вдогонку.

«Чересчур далеко, что тебе различать голоса...»?

В любом ремесле необходимы гении, власти, анфан террибли, престолы, менеджеры, городские сумасшедшие, эльфы, таланты, прожектеры, рабочие лошади, кометы, подаватели надежд, силы, столшники, гуру и многие, многие другие.

Вот только всё это не ладится, пока нет феи.

Обычной такой, иным неприметной, обыденной, предзнаменующей феи, прячущей в обветренных руках волшебную палочку.

Валентина Тимофеевна Шевелёва феей этой и служила.

Ripires te Шевелёва.